

УДК 82-95
ББК 83.3 (2Рос=Руч)1-8
Солженицын А.И.

Е.В. Белопольская

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН В ОЦЕНКЕ КРИТИКИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

На материале критических отзывов о Солженицыне в статье подводятся некоторые итоги изучения проблем творчества писателя и определяются его координаты в духовном пространстве русской культуры.

Ключевые слова: критика, творческая индивидуальность, русская классическая литература, православие, контекст, традиция.

Белопольская Елена Вадимовна — канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой отечественной литературы XX века Южного федерального университета
Тел.: 271-81-71

© Е.В. Белопольская, 2008 г.

11 декабря с.г. исполнилось 90 лет со дня рождения А. И. Солженицына. Это печальный, его первый посмертный, юбилей. Но сегодня к горькому чувству скорби присоединяется гордость от сознания того, что великий писатель, мыслитель и гражданин был нашим современником. Взвешенный целостный анализ его многогранного творчества, скорее, дело будущего. В настоящее же время очевидно главное. Как писал Распутин, «столько правды и жизни оставил после себя Солженицын, что прощания быть не может, ни духовного, ни праведнического. Он так много сказал, и так хорошо, точно сказал, что теперь только слушать, внимать, понимать».

Цель настоящей работы — представить краткий обзор статей ученых, писателей, критиков о личности и творчестве А.И. Солженицына, опубликованных в газетно-журнальной прессе последних лет и альманахе «Между двумя юбилеями (1998–2003)». При этом особое внимание мы сосредоточим на высказываниях оценочного характера, в которых делается попытка определить место Солженицына в потоке истории.

Творческая индивидуальность А. Солженицына рассматривается авторами отзывов преимущественно в контексте русской классической литературы XIX в. Это нашло отражение уже в названиях некоторых публикаций: «Александр Солженицын и "Выбранные места из переписки с друзьями" Н.В. Гоголя» [Золотуский, 2005]; «Тема каторги в "Архипелаге ГУЛага" А. И. Солженицына и

в русской литературе XIX века. Некоторые наблюдения» [Ранчин, 2005], «Толстой и Солженицын: встреча в Ясной Поляне» [Темпест, 2005]. «Полифоническая картина мира у Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына» [Спиваковский, 2005], «Живой классик» [Нива, 2005] и др.

Так, французский славист Ж. Нива писал: «Статус "живого классика" — парадоксален. Солженицын — "классик". Его читают в школах, о нем пишут диссертации. Его место указано во всех учебниках как литературы, так и истории. Однако он живой классик. И может еще удивлять, раздражать, увлекать за собой новыми текстами <...> Наверное, кроме Толстого, никто никогда не занимал такую позицию. И это замечательно» [Нива, 2005, с. 541]. А. Архангельский констатировал: «Через голову соцреализма Солженицын обращался к стилевым линиям классической русской словесности, к "Станционному зрителю", "Старосветским помещикам", "Бедным людям" [Архангельский, 1998]. Близкая мысль высказана Л. Аннинским: «<...> "шарашка", описывавшая абсолютно запретные для канонов советской литературы хождения людей по адским кругам всесоюзного лагеря, выдержана в традициях критического реализма <...>» [Аннинский, 1998]. Глубоко обосновывает свою позицию Т. Клеофастова. Она пишет, что Солженицын «<...> сохранил и развил в своем творчестве то главное, что было извечно присуще классической русской литературе, — ее исключительную нравственную насыщенность, ее духовную энергию, ее стремление к высшему идеалу, который в русской литературе приобрел статус сакральноположительного» [Клеофастова, 2005, с. 304]. Диссонанс в обсуждение проблемы под таким углом зрения внес М. Новиков. Его подход к творчеству «последнего пророка русской литературы» неоднозначен. В частности, он заявляет: «То, что сделано Солженицыным в беллетристике, безусловно, принадлежит "соцреализму" <...>» [Новиков, 1998, с. 44].

О приверженности традициям русской классической литературы сам Солженицын заявлял не раз. В интервью Н. Струве на вопрос, к какому из русских писателей он «чувствует наибольшую близость», Солженицын назвал Пушкина, Л. Толстого и Достоевского. Значение каждого из них неодинаково. Если Пушкин играет роль идеала, то влияние Л. Толстого и Достоевского касается непосредственно творческих вопросов [Солженицын, 1996, с. 445]. В интервью Д. Эйкману он уточнил свое отношение к двум русским гениям: «Я испытываю очень большое и уважение, и родство с обоими, хотя в разном. К Толстому я ближе по форме повествования, по форме подачи материала, по множеству лиц, реальных обстоятельств. А к Достоевскому ближе по старанию понять духовную, человеческую сторону процесса истории. Но оба они для меня учителя, конечно, оба» [Солженицын, 1997, с. 335]. От себя заметим, что столь любимый Солженицыным принцип «узловых точек» связан не только с именем Л. Толстого, как это предполагал Ж. Нива: «Лев Толстой, начав

работать над романом о Петре Великом, тоже говорит об "узле жизни" (письмо Н. Страхову от 12 ноября 1872). Заметил ли это Солженицын?» [Нива, 1992, с. 80]. Нам представляется, что здесь уместнее назвать имя Достоевского. В письме А.Н. Майкову (май, 1869) последний писал о принципе «всевыражающих пунктов»: «Воспроизвести <...> всю историю, отмечая в ней те точки и пункты, в которых она временами и местами, как бы сосредоточилась и выражалась вся вдруг во всем своем целом. Таких всевыражающих пунктов найдется, во все тысячелетие, до десяти» [Достоевский, 1986, с. 39]. Следовательно, если с Л. Толстым у Солженицына наблюдается совпадение терминов, то с Достоевским — схожий тип художественного мышления.

Ориентация на классиков XIX в. не мешала Солженицыну вступать с ними в полемику. Л. Сараскина точно заметила, что в основе идейных расхождений Солженицына со своими предшественниками лежит «фундаментальное утверждение» [Сараскина, 2005, с. 288], прозвучавшее в одном из его интервью: «Я прошу, чтобы вы все время имели в виду: что после Толстого и Достоевского вырыта в русской истории бездна. Мы пришли в Двадцатый век — в условия жизни как бы другой планеты. Сознание нашего народа сотрясено до такой степени, что всякие линии связи с Десятым веком и параллели с Десятым веком становятся трудными, их очень осторожно надо проводить» [Солженицын, 1997, с. 288].

Словно в подтверждение писательского высказывания англо-американский исследователь Р. Темпест замечает: «<...> Толстой тайно и явно присутствует в тексте "Красного Колеса" буквально с первых страниц и даже первых абзацев. Причем, когда речь в эпопее заходит о его взглядах на церковь, историю, военное дело, повествование неизменно обретает полемический или иронический тон. Солженицын оспаривает Толстого на всем протяжении эпопеи». «(Анти)толстовская направленность многих пассажей эпопеи» [Темпест, 2005, с. 402, 403] позволяет сделать вывод: если замысел произведения родился под влиянием «Войны и мира», то в процессе работы над ним Солженицын многое переосмыслил в наследии классика XIX в.

Исключительным чувством ответственности перед читателем, высочайшим качеством работы писателя восхищен П. Лаврёнов: «Кто из писателей решится пустить ныне под нож многотиражное издание своих вещей из-за ошибок печатников? — Спасибо, хоть так напечатали. Александр Исаевич пустил. Распорядился уничтожить весь выпуск двучастных рассказов из-за пропущенных запятых, орфографических ошибок. Не может обращенное Слово к людям быть ущербным» [Лаврёнов, 1998].

Важно отметить, что представителей отечественной литературы XIX в. и Солженицына объединяет главное — православие как основа бытия русского человека. В научных публикациях последних лет Солже-

ницын все чаще аттестуется как писатель христианский, православный. Так, В. Захаров, размышляя «о глубинных совпадениях Солженицына и Достоевского», справедливо утверждает: «В целом и Достоевского, и Солженицына роднит нечто большее, чем то, что возникает в процессе влияний, подражаний и пр., — их сближает и делает конгениальными принадлежность к одной литературной традиции — русской христианской словесности» [Захаров, 2005, с. 413]. С ним солидарна и Т. Клеофастова: «На наш взгляд, развитие русской литературы, и в том числе современной, не может быть научно и обстоятельно представлено вне истории христианства, ибо истинное художественное творчество всегда развивалось в постоянном взаимодействии с религиозно-философским сознанием нации. Трепетным соприкосновением с высшими нравственными ценностями православия проникнуто и повествование А. Солженицына, продолжающее и на этом духовном уровне традиции русской классической литературы» [Клеофастова, 2005, с. 308]. С. Шешунова, изучая роль православного календаря в «Красном Колесе», заметила: «Скрытая пасхальность является, на наш взгляд, тем внутренним светом, который освещает страницы этой уникальной эпопеи» [Шешунова, 2005, с. 477].

В рамках заданной парадигмы ведется анализ повести «Адлиг Швенкиттен» А. Ванюковым: «Уже зачин повести А. Солженицына ясно показывает глубокую соотнесенность авторского жанрового сознания с национальной традицией, знаково/формульно представленной "Повестью временных лет" и "Словом о полку Игореве" <...>». Автор статьи считает, что «Адлиг Швенкиттен» — «христианская повесть» — и далее продолжает свою мысль словами Н. Струве — «христианская трагедия, в которой жертва — всегда искупление и восстановление в сущем» [Ванюков, 2005, с. 502, 513].

Учитывается православная направленность творчества Солженицына и П. Спиваковским при решении вопроса о полифонизме, который уже не раз ставился в солженицыноведении см., напр., [Krasnov, 1980; Белопольская, 1997; Урманов 2004]. Исследуя природу полифонизма Достоевского и Солженицына, Спиваковский приходит к глубокому и убедительному выводу: «Таким образом, художественное воссоздание полифонической картины мира и использование полифонической нарративной композиции и для Достоевского, и для Солженицына отнюдь не самоцель. Оба писателя с предельной остротой переживают и художественно воссоздают тот бытийно-аксиологический тупик, в котором в эпоху Нового времени оказалась европейская цивилизация. И полифонически деструктивная картина человеческих взаимоотношений, воссозданная в их произведениях, взывает к преодолению антропоцентрической ценностной иерархии. В этом и заключается высший смысл использования полифонии в творчестве Достоевского и Солженицына» [Спиваковский, 2005, с. 421].

Ряд авторов подчеркивает глубоко национальный характер творчества Солженицына, по их мнению, это «последний великий русский писатель» [Линник, 2003], «явление глубоко национальное, русское» [Юдин, 1998], «часть России» [Крупин, 1998, с. 3], «русский гений» [Лиснянская, 2008]. Оригинальное суждение на этот счет высказано М. Соколовым: «Один из самых почвенных русских писателей является в то же время личностью чрезвычайно нерусской <...> вся жизнь Солженицына еще с довоенных времен была исполнена размеренной трудовой аскезы в духе лучших бюргеров Германии. Гетевский принцип "доканчивай то, что начал" — это принцип и солженицынский». И далее: «Великая мечта о возвращении России в семью культурных европейских народов, соединение идеалов России и свободы предполагают ведь как раз это: восхождение родины к размеренному культурному быту старых европейских наций — для чего Россия и должна стать нацией почвенных Штольцев, другого способа восхождения к культуре не наблюдается» [Соколов, 1998, с. 1]. Получается, что писатель не только «великий русский», но и «великий европеец».

Между тем, произведения писателя стали частью мировой литературы. А. Архангельский уверенно заключает: «Именно ноябрь 1962-го, когда подписчикам поступил тираж "Нового мира" с "Одним днем", стал поворотным пунктом новейшей российской истории <...>. А 1974-й, когда появились первые переводы "Архипелага", стал поворотным пунктом общеевропейской истории» [Архангельский, 1998]. К нему присоединяется А. Немзер: «В истории нашей страны (и, похоже, всего мира) имя Солженицына вписано крепко-накрепко — без "Одного дня Ивана Денисовича" и "Архипелага" у нас была бы совсем другая Россия» [Немзер, 1998].

Критиками отмечается не только общественно-историческое, но и сугубо литературное значение творчества Солженицына. Так, высших оценок, по их мнению, заслуживает «Архипелаг ГУЛаг». М. Золотонос, кстати сказать, отнюдь не апологет солженицынского творчества, считает, что это «<...> самое значительное литературное произведение А.И. и "великое" по гамбургскому счету в русской литературе в целом <...>» [Золотонос, 1998]. «К числу шедевров относится прежде всего "Архипелаг ГУЛаг" — может быть, самая большая удача русской классической литературы в этом веке», — полагает М. Новиков [Новиков, 1998, с. 43].

Как известно, не всеми читателями Солженицына его творчество принимается, так сказать, целиком и полностью. Достаточно часто в этом случае художественная составляющая его искусства противопоставляется идеологической, причем явно не в пользу первой. Это касается, главным образом, романа-эпопеи «Красное Колесо». Так, один из критиков пишет: «Наверное, "Колесо" — одна из великих неудач русской литературы, вроде "Что делать?" Чернышевского <...>. Так или иначе, двух историй — "большой", выстроенной искусным подбором фактов, и "человече-

ской", про любовь, — "Колесо" не вывезло» [Новиков, 1998]. В. Крупин признавался: «Воля ваша, я много раз, и по-тихому, и с разбега, кидался под колеса "Колесу" и вскоре обнаруживал себя на обочине дороги, по которой оно каталось туда и сюда» [Крупин, 1998, с. 1].

Более продуктивным нам кажется подход Н. Щедриной. Обращаясь к природе художественности в «Красном Колесе», она исходит из убеждения: «Основополагающее место в романе занимает художественная философия истории — крупное оригинальное явление, требующее особого изучения» [Щедрина, 2005, с. 480]. Для исследовательницы вклад автора «Красного Колеса» в мировую литературу несомненен. Она пишет: «"Красное Колесо" — этапное произведение мировой литературы XX века, вобравшее в себя всю полноту исторических, философских, нравственных и этических проблем. Их раскрытие обусловило поиск А. Солженицыным новых эстетических координат, связанных с организацией единого целого как качественного показателя художественности произведения» [Щедрина, 2005, с. 496].

О соотношении «чисто художественного» и идеологического начал у Солженицына размышляет И. Виноградов. Он верно замечает, что в творчестве писателя все «<...> сопряжено с той главной задачей, которую он осознал и принял когда-то в себя как высшую цель и смысл своей жизни, — быть Мечом в руке Божией, заговоренным рубить мировое Зло» [Виноградов, 1998]. Восхищаясь этой особенностью творческого дара «писателя-пророка, писателя-проповедника, писателя-аналитика», критик настаивает: «<...> именно глубинно-личностные слои человеческого "я" Солженицына как раз особенно органичны для его таланта, едва ли в подоснове своей не лирического!..» [Виноградов, 1998].

С. Аверинцеву прежде всего интересен Солженицын-«баталист», как пишет ученый, «<...> в весьма расширенном понимании этого слова: когда он изображает действия и события сугубо динамические, непредсказуемый исход которых решается от секунды к секунде» [Аверинцев, 1998].

Творческий портрет писателя невозможен без учета еще одной его ипостаси — историка. Н. Струве писал, что все попытки принизить историческую ценность произведений Солженицына путем поиска ошибок и неточностей оказались тщетными: «Ни на одной фактической ошибке Солженицына не поймали, сколько ни пробовали ловить» [Струве, 1991, с. 392].

Особенно показательны в этом отношении отзывы специалистов в области истории. Историк С. Шмидт, анализируя эту грань деятельности Солженицына «в русле многовековых традиций отечественной литературы, восходящих еще к периоду до нашествия восточных кочевников» приходит к убеждению: «жизни и творчеству <...> Александра Исаевича Солженицына будут отведены солидные разделы не только в обобщающих трудах по истории русской художественной литературы, но и

в трудах по истории исторической мысли» [Шмидт, 2005, с. 267, 269]. А. Зубов поддерживает мнение своего коллеги: «Для меня как для профессионального историка, может быть, важнейшим моментом всего творчества Александра Исаевича, начиная с его романов, является именно нравственное прочтение истории <...> Умение нравственно прочесть историю, умение увидеть в ней личный выбор, выбор личной воли — это, может быть, главный вклад Александра Исаевича в русскую культуру, в европейскую культуру XX века, страшного века, который всеми своими идеологиями как раз уводит человека от нравственного выбора» [Зубов, 2005, с. 464–465]. Значение творчества Солженицына для общества, по мысли А. Зубова, трудно переоценить. В частности, он пишет: «И если будущее "Красного Колеса" больше, чем его прошлое, то будущее "Двухсот лет вместе" безмерно больше того хая, который вокруг него поднялся» [Зубов, 2005, с. 466–467]. Но следует признать, что глубокое прочтение названных произведений писателя еще впереди.

По мнению В. Непомнящего, подобная ситуация закономерна. «В целом, при всех поводах для чьих-нибудь несогласий, "Архипелаг" и "Колесо" нынешней критике недоступны, не подлежат. Не потому, что "нельзя" или что последняя истина, — нет. Никаким собственно литературным, отвлеченно-профессиональным способом понимание этого человеческого и художественного подвига не приобретается. Чтобы приобрести — надо отдалиться, пройдя дальше, по той исторической дороге, которая нам предстоит и будет, верно, недешево стоить» [Непомнящий, 1998].

В последнее время делаются попытки оценить могучую фигуру Солженицына во всем ее величии, поскольку его личность явно не укладывается в отведенные рамки. Пожалуй, это глубже других выразил философ и литературовед Г. Гачев: «Титаническая фигура среди многих важных и талантливых, средней, большой даже величины — писателей, политиков, мыслителей. Человек Судьбы — как Александр (Македонский), Наполеон, Лев Толстой... С миссией. Кого Бог ведет, пока не исполнит, на что призван» [Гачев, 2005, с. 529].

Думается, представленный обзор критики свидетельствует о плодотворности совместных усилий ученых-гуманитариев, критиков и публицистов в постижении феномена Солженицына. Это особенно актуально сегодня, когда земной путь писателя окончен и солженицыноведение вступает в новый этап — этап осмысления великого наследия еще недавно «живого классика».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.* Мы и забыли, что такие люди бывают // *Общая газета.* 1998. 10–16 декабря С. 8.

2. *Аннинский Л.* Дает Бог тому честь, кто сможет снести // *Общая газета.* 1998. 10–16 декабря. С. 8.
3. *Архангельский А.* Один в поле воин // *Известия.* 1998. 11 декабря. С. 5.
4. *Белопольская Е.* Роман А.И. Солженицына «В круге первом»: Опыт интерпретации. Ростов н/Д., 1997. С. 113–121.
5. *Ванюков А.* «Адлинг Швенкиттен» А. Солженицына. Концепция памяти и поэтика жанра // *Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М., 2005. С. 498–513.*
6. *Виноградов И.* Парадокс великого затворника // *Общая газета.* 1998. 10–16 декабря. С. 8.
7. *Гачев Г.* Солженицын — человек судьбы, орган и орган истории // *Между двумя юбилеями (1998–2003).* М., 2005. С. 529–532.
8. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Л., 1986.
9. *Захаров В.* О глубинных совпадениях Солженицына и Достоевского // *Между двумя юбилеями (1998–2003).* М., 2005. С. 409–414.
10. *Золотоносов М.* Бык у обломков дуба // *Московские новости.* 1998. 29 ноября–6 декабря. С. 24.
11. *Золотуский И.* Александр Солженицын и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // *Между двумя юбилеями (1998–2003).* М., 2005. С. 332–338.
12. *Зубов А.* Самопознание народа в творчестве Солженицына // *Между двумя юбилеями (1998–2003).* М., 2005. С. 459–467.
13. *Клеофастова Т.* Творчество А. Солженицына в контексте XX века // *Между двумя юбилеями (1998–2003).* М., 2005. С. 302–314.
14. *Крутин В.* Жил и живет не по лжи (Несобственно-прямая речь) // *Парламентская газета.* 1998. 10 декабря. С. 1,3.
15. *Лаврёнов П.* Из уст в уста // *Книжное обозрение.* 1998. 15 декабря. С. 8.
16. *Линник В.* Исполин // *Слово.* 2003. 19–25 декабря. С. 11–12.
17. *Лиснянская И.* Пророческое слово // *Литературная газета.* 2008. 6–12 августа. С. 3.
18. *Немзер А.* Художник под небом Бога // *Время МН.* 1998. 11 декабря. С. 7.
19. *Непомятый В.* Солженицына надо заслужить // *Культура.* 1998. 10–16 декабря. С.1.
20. *Нива Ж.* Солженицын. М., 1992.
21. *Нива Ж.* Живой классик // *Между двумя юбилеями (1998–2003).* М., 2005. С. 541–545.
22. *Новиков М.* Последний пророк русской литературы // *Коммерсантъ ВЛАСТЬ.* 1998. 15 декабря. С. 43–45.
23. *Ранчин А.* Тема каторги в «Архипелаге ГУЛаг» А. И. Солженицына и в русской литературе XIX века. Некоторые наблюдения // *Между двумя юбилеями (1998–2003).* М., 2005, С. 441–448.

24. *Сараскина Л.* Исторический образ XX века в творчестве А.И. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003). М., 2005. С. 287–301.
25. *Соколов М.* Почвенный Штольц // Известия. 1998. 11 декабря. С. 1, 5.
26. *Солженицын А.* Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм». Каведиш, 23 мая 1989 // *Солженицын А.* Публицистика: В 3 т. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 321–344.
27. *Солженицын А.* Интервью с Рудольфом Аугштайном для журнала «Шпигель». Каведиш, 9 октября 1987 // *Солженицын А.* Публицистика: В 3 т. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 285–320.
28. *Солженицын А.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. Париж, март 1976 // *Солженицын А.* Публицистика: В 3 т. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 417–448.
29. *Стиваковский П.* Полифоническая картина мира у Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003). М., 2005. С. 414–423.
30. *Струве Н.* О «Марте Семнадцатого» // Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1991. С. 388–396.
31. *Темпест Р.* Толстой и Солженицын: встреча в Ясной Поляне // Между двумя юбилеями (1998–2003). М., 2005. С. 393–408.
32. *Урманов А.* Творчество Александра Солженицына: Учеб. пособие. М., 2004. С. 189–204.
33. *Шешунова С.* Православный календарь в «Красном Колесе» // Между двумя юбилеями (1998–2003). М., 2005. С. 468–477.
34. *Шмидт С.* Солженицын-историк // Между двумя юбилеями (1998–2003). М., 2005. С. 266–269.
35. *Щедрина Н.* Природа художественности в «Красном Колесе» А. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003). М., 2005. С. 478–497.
36. *Юдин В.* Феномен Солженицына // Вестн. Тверского гос. ун-та. 1998. Декабрь. № 6. С. 3.
37. *Krasnov V.* Solzhenitsyn and Dostoevsky: A study in the polyphonic novel. Athens, 1980.